

2. Караткевіч, У. Вячэрнія ветразі [Электронны рэсурс] / У. Караткевіч — Рэжым доступу: <http://uladzimir-karatkevich.com/arh/arh.html>. — Дата доступу: 23.10.2013.
3. Караткевіч, У. Быў. Ёсць. Буду [Электронны рэсурс] / У. Караткевіч — Рэжым доступу: <http://uladzimir-karatkevich.com/arh/arh.html>. — Дата доступу: 23.10.2013.
4. Караткевіч, У. Ладдзя Роспачы [Электронны рэсурс] / У. Караткевіч — Рэжым доступу: <http://uladzimir-karatkevich.com/arh/arh.html>. — Дата доступу: 23.10.2013.

Юлія Сединина-Барковская (Минск)

АНТИЧНЫЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Т. ПРАТЧЕТТА, А. САПКОВСКОГО И О. ГРОМЫКО)

Проблема восстановления и сохранения экологического равновесия является одной из наиболее актуальных проблем современности. Формирование «общества потребления» привело к неотвратимо надвигающейся катастрофе, и то, что еще недавно гордо именовалось научно-техническим прогрессом, обнаружило свой разрушительный характер. Пытаясь найти способы гармонизации человеческой деятельности и вечных законов природы, ряд писателей обращается к мифологии, поскольку именно здесь накапливались опыт и знания многих поколений. «Мифы были чем-то вроде энциклопедии жизни: в них можно было найти ответы на все главные вопросы бытия» [1, с. 19]. Следует помнить, что человек-носитель мифологического сознания прекрасно ориентировался в окружающем мире и ощущал себя одним из его неотъемлемых компонентов. По мнению современного астрофизика К. Сагана, человек был «отдельной мелодической линией в космической симфонии жизни» [1, с. 250].

Слияние человека с окружающим миром, ощущение себя частью природы порождало анимистические представления, т. е. веру в то, что растения и животные имеют такую же, как у человека, душу. Наглядным примером анимизма в древнегреческой мифологии являются такие существа, как дриады. Напомним, что дриадами называются нимфы — покровительницы деревьев (от древнегреческого *δρῦς* — «дуб»). В древнегреческой мифологии необходимо разграничивать дриад и гамадриад (древнегреч. *ἅμα* — «вместе»), гораздо более тесно соединенных с деревьями и умирающих вместе с ними. Очевидно, в данном случае душа дерева как бы локализована в нем и должна разделить его судьбу, тогда как дриады воплощают в себе более позднее представление о том, что «дерево является не телом, а только пристанищем духа дерева, который по желанию может его покинуть или возвращаться» [12, с. 128].

Однако уже в Древнем Риме мы можем заметить смешение указанных мифологических фигур, к примеру, в изложенном Овидием мифе о царе Фессалии Эрисихтоне, срубившем священный дуб и этим убившем живущую в нем дриаду:

*И только разить топором он наискось начал,
Дуб содрогнулся, и стон испустило богинино древо.*

*В то же мгновенье бледнеть и листва, и желуди дуба
Стали; бледностью вдруг его длинные ветви покрылись.
А лишь поранили ствол нечестивые руки, как тотчас
Из рассеченной коры заструилась кровь...*

(«Метаморфозы», VIII, 757–762. Перевод С. Шервинского.)

Без сомнения, образ прекрасных дев — духов деревьев — показался в достаточной мере привлекательным для создателей вымышленных миров литературы фэнтези. Впервые дриады как одна из древних дочеловеческих рас появляются в романе популярного английского писателя Т. Пратчетта «Цвет волшебства» (1983), первом произведении знаменитого цикла о Плоском Мире. Впрочем, поскольку цикл задумывался автором как пародия на фэнтези-литературу и одним из основных авторских приемов является подчеркнутая эклектичность повествования, то Т. Пратчетт умышленно не создает законченного описания расы: дриады как абсолютно неожиданно возникают в повествовании, так же неожиданно из него и исчезают: *«Но откуда здесь взялись дриады? Насколько помнил Ринсвинд, древесный народец вымер много столетий назад. Был вытеснен в процессе эволюции людьми, подобно большинству остальных Сумеречных Народностей... Дриады..., как считалось, вымерли много лет назад, вместе с феями»* [10, с. 155]. Причисление дриад к Старшим Народам и, соответственно, помещение их в фэнтезийное миропостроение мы также встречаем в саге о Цири и Геральте знаменитого польского фантаста, одного из классиков жанра фэнтези Анджея Сапковского (начиная со второго романа — «Меч предназначения» (1992)). Однако его дриады связаны с античными источниками достаточно опосредованно и представляют собой удивительную поэтико-символическую интерпретацию древних мифов. Пожалуй, наиболее наглядную связь с греческим мифом демонстрирует наша соотечественница О. Громыко в т. н. «белорском цикле» романов. Наиболее подробно дриады как одна из Разумных Рас описаны в романе цикла «Верные враги» (2009). Разработка указанной фантастической расы О. Громыко осуществляется гораздо более детально.

Рассмотрим сперва модели взаимоотношений дриад с их местами — деревьями, созданные различными авторами. В древнегреческой мифологии можно выделить несколько видов дриад в зависимости от деревьев, с которыми они связаны. В романе «Верные враги» О. Громыко предоставляет нам следующую информацию: *«Дриады, вопреки распространенному мнению, жили далеко не во всяких деревьях, предпочитая довольно редкую породу — снежный ясень...»* [3, с. 176]. Таким образом, мы можем заключить, что в разработке указанных персонажей автор использует миф о ясеневых дриадах — Мелиях (древнегреч. *μελία* — «ясень»), рожденных из крови оскопленного Урана (Гесиод «Теогония», 183–187). Также, поскольку в фэнтези дриады представляются одной из древних рас, нам кажется необходимым упомянуть об антропологическом значении ясеня. Согласно мифу о пяти веках человечества, наиболее полно изложенному у Гесиода, третье поколение людей — медное — произошло от ясеневых деревьев. Вероятно, т. к. ясень использовался для изготовления копий, то и стал родоначальником самого воинственного поколе-

ния. Возможно также, что именно на этом основании богиня возмездия Немесида изображалась с ясеновой ветвью в руке [6, с. 117–118]. Примечательно также, что стрелы дриад в романе А. Сапковского, мстящих людям за попытки захвата священного леса Брокилон, также имеют ясеневое древко [11, с. 520].

У Т. Пратчетта деревом дриад, в соответствии с этимологией их названия, является дуб. У А. Сапковского, согласно традиции древнегреческой мифологии, священный лес составляют различные виды деревьев, однако именно дуб соответствует Верховной Дриаде, Повелительнице Брокилона: *«Деревом Эитнэ был, конечно же, дуб. Точнее — три сросшихся комлями дуба, все еще зеленых, безо всяких признаков увядания, хотя Геральт определил их возраст лет в триста, не меньше»* [11, с. 553]. Следует отметить, что дуб также находит свое отражение в антропологических воззрениях греков (Гомер «Одиссея», XIX, 163), в соответствии с народным поверием, что дуб был первым растением на земле [6, с. 109]. В то же время в произведениях О. Громыко образ дуба также постоянно присутствует в описаниях дриад и территории их обитания — Ясеневого Града. Так, *«сами деревья напоминали дубы, такие же кряжистые и высокие»* [3, с. 176]. Упоминается дуб и в описании звука шагов дриады в повести «Капкан для некроманта» цикла «Белорские хроники»: *«По ступенькам крыльца будто дубовой веткой прошуршали, и к нам присоединилась Ларрина»* [4, с. 95].

Также по-разному авторами описывается способность дриад жить в деревьях. У О. Громыко фигурирует традиционная для древнегреческой мифологии модель соединения: *«С деревьями они связаны вовсе не неразрывно, хотя в Ясеном Граде сливаются с ними каждую ночь (или день, в зависимости от настроения). Но в случае необходимости спокойно покидают лес на месяцы, а то и на годы...»* [3, с. 177]. У Т. Пратчетта модель «многоквартирного» дерева дриад напоминает гибрид небоскреба с муравейником, а вполне естественный внешний вид дерева получает квазинаучное объяснение при помощи понятия «мирового дерева»: *«То, что ты принижаешь названием «дерево», на самом деле четырехмерный аналог всей многомерной вселенной, которая... Нет, вижу, ты этого не знаешь»* [10, с. 155]. В то же время А. Сапковский представляет вниманию читателя значительно более реалистическую и интересную, на наш взгляд, модель экологически совершенного симбиоза: *« — Геральт! — шепнула Цири. — Эти домики живут. У них есть листочки! / — Они из живого дерева, — кивнул ведьмак. — Именно так живут дриады, так строят свои дома. Ни одна дриада никогда не причинит боли дереву топором или пилой. Они любят деревья. Но умеют делать так, что ветки растут, образуя домики»* [11, с. 544].

Как мы указывали выше, уже в античности вопрос о связи жизненной силы дриады и ее дерева решался неоднозначно. К примеру, глава александрийской поэтической школы Каллимах в гимне «К острову Делос» оставляет вопрос открытым:

*Мелия, нимфа тех мест, плясунья, думать забыла
О хороводах, и бледность покрыла робкой ланиты,
Ибо страшилась она за дуб соприродный, увидев,*

*Как сотряслась Геликонова грива. О Музы, откройте,
Правда ль, что с деревом вместе на свет рождаются нимфы?
Нимфы ликуют, когда от дождей кудрявится древо;
Нимфы тоскуют, когда опадают листья у древа...*
(80–85. Перевод С. Аверинцева.)

Вопрос о связи жизнеспособности дриады с целостностью дерева О. Громыко кардинально решает в пользу дриад. Эмоциональная окраска, указанная эллинистическим поэтом, здесь, впрочем, также присутствует: «Если же подкараулить момент, когда дриада внутри, и начать кромсать ясень топором... то оттуда вовсе не потечет кровь, а вылезет разгневанная тетка и запросто даст вам в глаз» [3, с. 178]. В свою очередь, двойственная природа дриад, несомненно, дает автору простор для словесной игры (например, «войдешь в заповедный лес только через наши бревна» [3, с. 178]). Однако гибель избранных дриадами деревьев напрямую зависит от смерти самих дриад и позволяет судить о приключившейся беде даже на расстоянии: «...через три дня ее дерево рухнуло, и дриады объявили официальный недельный траур...» [3, с. 115]. В данном случае нами скорее усматривается аналогия с другой разновидностью нимф — ореадами, горными нимфами, с рождением каждой из которых на вершинах гор вырастают высокие деревья, считающиеся священными и засыхающими на корню в тот миг, когда души горных нимф расстаются с жизнью (Гомеровский гимн IV, с. 257–272).

Т. Пратчетт придерживается версии о взаимозависимости состояния здоровья дриады и дерева. Впрочем, степень причиненного вреда, вероятно, способна градуироваться: «...девушка опустилась напротив и принялась молча разглядывать волшебника, время от времени потирая глубокую царапину на предплечье. / Ах да, дриада настолько связана со своим деревом, что страдает от ран вместе с ним, припомнил Ринсвинд» [10, с. 155].

В свою очередь в романах А. Сапковского угроза распространяется не на единичные деревья и их дриад. Одержимые жаждой наживы люди стремятся уничтожить священный лес Брокилон и его защитниц-дриад, презрительно именуемых «духобабами»: «Не задирай носа, лесное чудище, бестия из пущи, реликт прошлого, а послушай, чего желаем мы... А мы желаем кедра, дуба и гокори, желаем красного дерева, тиса на луки и мачтовых сосен... Желаем рубить и пилить, и рыть землю, не опасаясь свиста стрел. ... Мы не желаем терпеть в своих пределах какой-то Брокилон — лес, в который не можем войти. Такой лес раздражает нас, злит и сгоняет сон с везд, потому что мы — люди, мы распоряжаемся этим миром. Мы можем, ежели захотим, допустить в наш мир нескольких эльфов, дриад или русалок. Если они не будут слишком нахальны. Подчинись нашей воле, Ведьма Брокилона. Или сгинь» [11, с. 556]. Автор использует мифологию дриад как символ потребительского отношения к природе, ведущего к катастрофе. О недопустимости подобного подхода предупреждают и античные писатели. В «Аргонавтике» Аполлония Родосского мы находим рассказ о нечестивце, проклятом гамадриадой и вместе с потомками осужденным на растущую бедность:

...он, неразумьем объятый,

*Дуб тот срубил, уступая мятежному юности пылу.
И потому-то его в грядущем долей убогой
Вместе с детьми покарала она.*

(II, с. 480–483. Перевод Г. Церетели.)

В то же время воинственные дриады, отстаивающие существование родного леса с луками в руках, без сомнения, вызывают ассоциацию с Артемидой, особенно ее почитание на полуострове Пелопоннес, где преобладают связи богини с культами деревьев. К примеру, здесь ее называли Лигодесма, поскольку ее образ был связан с ивой, а также Кариатида и Кедреатида — по названиям деревьев каштан и кедр. В то же время Артемида являлась предводительницей нимф и первоначально, вероятно — главной нимфой. [5, с. 123; 8, с. 22–23]. Безжалостность дриад Сапковского также соотносится с древнейшими представлениями об Артемиде как страшном божестве, несущем своими стрелами смерть людям, которые мы находим у Гомера.

В славянских литературах давно сформирована прекрасная традиция фантастической литературы. Особо следует подчеркнуть, что в последнее время все чаще принято говорить о феномене именно славянской фантастической литературы, сообщившей традиционным фантастическим жанрам более глубокую и актуальную проблематику. При помощи одних и тех же мифологических образов авторы рассматривают различные аспекты одной из наиболее актуальных проблем современности. А. Сапковский наглядно демонстрирует, какими разрушительными способны стать природные силы при исключительно потребительском обращении с ними. В свою очередь у О. Громыко дриады служат своеобразным воплощением экологического равновесия, соразмерности природы и разумных существ.

Литература

1. Альбедиль, М. Ф. В магическом круге мифов / М. Ф. Альбедиль. — СПб., 2002.
2. Аполлоний Родосский. Аргонавтика // Александрийская поэзия / сост. М. Грабарь-Пассек. — М., 1972.
3. Громыко, О. Верные враги / О. Громыко. — М., 2009.
4. Громыко, О. Капкан для некроманта / О. Громыко Белорские хроники / О. Громыко. — М., 2008.
5. Зайцев, А. И. Греческая религия и мифология / А. И. Зайцев. — М., СПб., 2005.
6. Кагаров, Е. Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции / Е. Г. Кагаров. — М., 2012.
7. Каллимах. Гимны / Каллимах // Александрийская поэзия / сост. М. Грабарь-Пассек. — М., 1972.
8. Нильссон, М. Греческая народная религия / М. Нильссон. — СПб., 1998.
9. Овидий. Метаморфозы / Овидий // Собрание сочинений: в 2 т. — СПб., 1994. — Т. 2.
10. Пратчетт, Т. Цвет волшебства / Т. Пратчетт. — М., 2006.
11. Сапковский, А. Меч Предназначения / А. Сапковский // Последнее желание. Меч Предназначения / А. Сапковский — М., 2005.
12. Фрэзер, Дж. Дж. Золотая ветвь / Дж. Дж. Фрэзер. — М., 1998.